

Иеродиакон Максим (Судаков Марк Вадимович)

насельник Преображенского подворья Данилова ставропигиального мужского монастыря города Москвы

Адрес: 142200, Московская обл., Серпуховский р-н, д. Подмоклово, Свято-Преображенский скит
E-mail: maxim.msdm@gmail.com

Христология Мартирия-Сахдоны: между несторианством и халкидонизмом*

DOI: 10.24411/2587-9316-2020-10029

В статье изложен взгляд на христологию Мартирия-Сахдоны как на плод своеобразного развития богословских идей Церкви Востока. Мартирий-Сахдона известен тем, что под влиянием догматического учения Церкви Римской империи признал единственность ипостаси Господа Иисуса Христа и по этой причине был отвергнут Церковью Востока. Целью исследования является прояснить, какое место занимает христология Мартирия по отношению к несторианству и к православной догматике. Христологическое учение Мартирия рассматривается в контексте учения трех авторов: Феодора Мопсуестийского, Нестория и Баввая Великого, влияние которых имело определяющее значение в формировании христологической доктрины Церкви Востока. В качестве источников учения Мартирия-Сахдоны используются вторая часть его «Книги совершенства» (2-я глава и фрагмент из 7-й главы), а также отрывок из его утраченного сочинения, сохранившийся в цитате Иоанна Марона. В результате проведенного анализа устанавливается степень влияния двухсубъектной христологии на ход мысли Мартирия, что позволяет оценить его учение с позиции православного исследователя.

Ключевые слова: Мартирий-Сахдона, христология, Халкидон, Церковь Востока, несторианство, Феодор Мопсуестийский, Несторий, Баввай Великий, сирийское христианство

* Статья является переработанным докладом, который был зачитан на конференции «Таинство слова и образа» (секция «Христология сирийских авторов»), состоявшейся 19 ноября 2020 г. в православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Автор, учтя замечания компетентных лиц, скорректировал и дополнил тезисы, изложенные в статье: *Максим (Судаков), мон. Христология Мартирия-Сахдоны // Богословский вестник. 2019. Т. 32. № 1. С. 140–171.*

Hierodeacon Maxim (Mark V. Sudakov)

Resident of St. Daniel Monastery of Moscow, Metochion of the Transfiguration

Address: Podmoklovo village, Serpuhov district, Moscow region, 142200, Russia

E-mail: maxim.msdm@gmail.com

Christology of Martyrius-Sahdona: between Nestorianism at Chalcedonism*

DOI: 10.24411/2587-9316-2020-10029

The article presents a view of the Christology of Martyrius-Sahdona as the fruit of a specific development of the theological ideas of the Church of the East. Martyrius-Sahdona is known for the fact he confessed one hypostasis of the Lord Jesus Christ, influenced by the Church of the Roman Empire. Therefore he was rejected by the Church of the East. The aim of the research is to clarify, which place the Christology of Martyrius takes in relation to the Nestorianism and to the Orthodox dogmatics. The christological teaching of Martyrius is considered in the context of the teaching of three authors: Theodore of Mopsuestia, Nestorius and Babai the Great, whose influence had defining sense for the conformation of the Christological doctrine of the Church of the East. As sources of the teaching of Martyrius-Sahdona the second part of his «Book of the Perfection» (the 2nd chapter and a fragment of the 7th chapter) as well as the fragment of his lost writing, saved in the citation of John Maron, are used. In the result of the conducted analysis the degree of influence of the two-subject Christology on the train of thought of Martyrius is determined, that allows to put value on his teaching from the standpoint of an Orthodox researcher.

Keywords: Martyrius-Sahdona, Christology, Chalcedon, the Church of the East, Nestorianism, Theodore of Mopsuestia, Nestorius, Babai the Great, Syriac Christianity

* The article is a revised report that was read at the conference "The Sacrament of the Word and the Image" (section "Christology of Syrian Authors"), held on November 19, 2020 at the St. Tikhon University. The author, taking into account the comments of competent persons, corrected and supplemented the theses set out in the article: Maxim (Sudakov), monk. The Christology of Martyrius-Sahdona. *Theological Herald*, 2019, vol. 32, no. 1, pp. 140–171.

Понятие *ипостась* в христологии Мартирия-Сахдоны

Среди аскетических авторов Церкви Востока¹ Мартирий-Сахдона, лишенный сана епископ города Махозе-д'Ареван² (1-я пол. VII в.), занимает исключительное положение по отношению к Православной Церкви: он несколько раз переходил в Церковь Римской империи³ и был в конце концов при своей жизни отвергнут и Церковью Востока, и Православной Церковью, но при всем этом после смерти он почитался православными и его сочинения входили в круг их назидательного чтения [подробнее об этом: Максим (Судаков), мон. Христология... 2019; Максим (Судаков), мон. Мартирий-Сахдона... 2019].

Бесспорно, важнейшим понятием в христологии Сахдоны является *ипостась* (по-сирийски ܩܢܘܡܐ [qnōmā]), так как признание единственности ипостаси Христа — главное положение его христологии. В статье употребляется именно термин *ипостась*: мы убеждены, что слова *qnōmā* и *ὑπόστασις* в рассматриваемом случае однозначно друг другу соответствуют. Можно привести свидетельство такого соответствия в богословском диалоге императора Юстиниана с представителями Церкви Востока, запись которого сохранилась только на сирийском: очевидно, что император, говоря по-гречески, оперировал термином *ὑπόστασις*, который в сирийском переводе представлен как *qnōmā* [см.: Add. 14535. Fol. 16v; изд. фотокопии см.: Guillaumont, 1969/1970. P. 67].

В Церкви Востока ипостась понималась как выражение природы без индивидуальных признаков, которые, в свою очередь, заключены в лице. Мартирий попытался переосмыслить понятие *ипостась*, вложив в него смысл, близкий к термину *лицо*, а возможно, и отождествив данные понятия. Так, католикос Ишоьяв III был уверен, что Мартирий смешивает *ипостась* и *лицо* и пытался убедить его, что следует их различать [Išo'yahb III Patriarcha. Epistulae II, 7 // Išo'yahb III Patriarcha. Liber epistolarum... P. 135:7–15]. Тем не менее некоторые считают, что *лицо* и *ипостась* у Мартирия не тождественны: к ним относится наш современник Бишара Эбейд [Ebeid, 2017. P. 772 (n. 137)], который на данный момент, к сожалению, еще не разъяснил свою точку зрения⁴.

Употребляемые в статье термины *ипостась* (ܩܢܘܡܐ [qnōmā]), *лицо* (ܩܢܘܢܐ [paršōrā]) и *природа* (ܩܢܘܢܐ [kyānā]) всегда соответствуют своим сирийским эквивалентам.

¹ Церковь, исторически образовавшаяся на территории Персидской империи и не имеющая общения с Православной Церковью после III Вселенского собора (431 г.) и до настоящего времени.

² В регионе Бет-Гармай, главным городом которого в современном Ираке является Киркук.

³ Поскольку именно в период активной деятельности Мартирия император Ираклий заботился о распространении монофелитской унии, есть большая вероятность, что Мартирий перешел не к православным, а к монофелитам. Данные источников не позволяют внести полную ясность в этот вопрос.

⁴ Подробнее о понятии ипостась в Церкви Востока и у Мартирия-Сахдоны см.: Максим, 2019. С. 140–171.

Единство ипостаси и взаимообщение свойств во Христе у Мартирия-Сахдоны

Мартирий признавал во Христе одну ипостась — этот факт ни у кого не вызывает сомнений. Для его подтверждения приведем три высказывания Мартирия:

- 1 «Природу нашего человечества (ܩܝܢܐ ܕܢܫܘܬܢ [kyānā d-nāšūtan]), богоприлично соединённую с Богом Словом от начала её создания и навеки, Он соделал с Собою одной ипостасью и лицом» [Martyrius (Sahdona). Liber perfectionis II, 2, 21 // CSCO. 214. P. 16:5–8].
- 2 «Одно лицо и ипостась Сына» [Idem. Liber perfectionis II, 2, 22 // CSCO. 214. P. 16:13–14].
- 3 «Храм и Обитающий в нем — одно лицо и ипостась» [Idem. Liber perfectionis II, 2, 27 // CSCO. 214. P. 18:10].

Как видно, во всех трех случаях употреблено выражение «одно лицо и ипостась» (ܩܝܢܐ ܕܩܝܢܐ ܩܝܢܐ ܩܝܢܐ [ḥaḍ paršōpā wa-qnōmā]), из чего следует, что Мартирий признавал не только одну ипостась, но и сближал понятия *ипостась* и *лицо*.

При этом контекст второго из приведенных высказываний выявляет некоторую неоднозначность мысли: «Одно лицо и ипостась Сына — Тот, о Котором мыслится и говорится, — воспринявший и воспринятый» (ܩܝܢܐ ܕܩܝܢܐ ܩܝܢܐ ܩܝܢܐ ܩܝܢܐ [ḥaḍ mekkil paršōpā wa-qnōmā da-brā meṭrnē w-mēṭē'mar, haw da-nsab w-haw d-eṭṭeseb]), или, дословно: «Тот, кто воспринял, и Тот, Кто воспринят». Может сложиться впечатление, что «Тот, Кто воспринят» является самостоятельным субъектом: на это указывают одушевленное местоимение «Кто» и мужской род местоимения с глаголом в пассивном залоге — «воспринят» (haw d-eṭṭeseb). Первое затруднение разрешается просто: здесь в качестве относительного местоимения используется слово ܐ [d-], которое не имеет категории одушевленности. В свою очередь, местоимение ܐܢ [haw] — «тот», «он» — стоит в мужском роде и употреблено здесь дважды: по отношению к Сыну Божьему и по отношению к человеческой природе. Таким образом, есть формальная возможность перевести эти слова как «воспринявший и воспринятый». Тем не менее есть основание и для того, чтобы поставить данное местоимение в среднем роде, так как в сирийском языке есть только мужской и женский род, в силу чего мужской род указательных местоимений иногда используется в качестве среднего: Пайн Смит рассматривает случаи субстантивации прилагательных с помощью местоимения haw [Smith, 1879. Col. 981].

Мартирий исповедует взаимообщение свойств (*communicatio idiomatum*) божественной и человеческой природ во Христе: «Велико и дивно единство Бога и человека, и именно поэтому о каждой из природ говорится, что ей свойственно то, что относится к другой природе, притом что она не теряет и не изменяет своих собственных свойств. Об одной природе говорится то же, что о другой, и наоборот — это по причине единства, потому что Бог Слово воспринял то, чтобы вследствие единства называться тем, что по природе есть человек, и даровал человеку, чтобы он вследствие единства был тем, что Он есть по природе» [Martyrius (Sahdona). Liber perfectionis II, 2, 25 // CSCO. 214. P. 17]. В соответствии с православным учением, взаимообщение свойств природ во Христе имеет место «по причине тождества ипостаси

и взаимопроникновения свойств одной природы в другую» [Joannes Damascenus. Expositio accurata fidei orthodoxae. Liber III, 4 (48) // PG 94. Col. 1000:7–10]. Баввай Великий отвергал это учение [Заболотный, 2016. С. 205–206]. Для Мартирия особенно важна эта идея, поскольку именно ею он обосновывает обожение человеческой природы как конечную цель всех духовных трудов подвижника [Ovidiu, 2011. P. 45–61]⁵.

Мартирий-Сахдона и Феодор Мопсуестийский

1 Вероятно, находясь под влиянием Феодора, Мартирий употребляет те же метафоры, что и он. Это можно видеть по тому, как оба они комментируют слова Господа: «Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Ин. 2:19). Феодор пишет: «Иной Тот, Кто разрушается, и Иной Тот, Кто воскрешает. Один — храм, претерпевший разрушение, а воскресил его Бог Слово, Который обещает воскресить Свой храм, который был разрушен» [Theodorus Mopsuestenus. Fragmenta Syriaca / ed. E. Sachau, 1869. P. [82] ܩܘܬܝܢܐ. Мартирий рассуждает очень схожим образом, вероятнее всего, испытав его влияние: «Претерпевал страдания и умирал тот храм, который во времени был разрушен и воссоздан, достиг совершенства и полноты. А воскресил его Бог Слово, обитавший в нем, единочестный Отцу и сущий с Ним прежде веков» [Martyrius (Sahdona). Liber perfectionis II, 2, 26 // CSCO. 214. P. 18:6–9].

У Феодора христологический образ вселения и обитания в храме неоднократно используется таким образом, что им разрушается единственность ипостаси Господа [Гурьев, 1890. С. 315]. Так, например, в своей «Третьей книге против нечестивого Аполлиария» он пишет: «Мы не должны считать, что от Девы родился Бог, разве, быть может, мы должны считать одним и тем же и рожденное, и то, что в рожденном, то есть храм и того, кто в храме, — Богом Словом?» [Theodorus Mopsuestenus. Ex tertio libro contra impium Apollinarium VI // Concilium universale Constantinopolitanum... 1971. P. 44]. Когда Мартирий, в свою очередь, употребляет данный образ, то у него не замечается такого разделения действующих субъектов во Христе, какое видим у Феодора. Отметим и то, что неоспоримым фактом является широкое использование образа вселения в храм в православной христологии и, соответственно, данный образ не является специфической чертой несторианства [подробнее об этом см.: Максим, 2019. С. 154–156].

2 Известно, что Феодор использовал выражение «воспринятый человек», как, например, видно из вышеприведенной цитаты из «Толкования на Евангелие от Иоанна». Мартирий подобным образом называет Господа Иисуса Христа «Воспринятым и Воспринявшим» (см. выше).

3 Мартирий считает, что Господь Иисус Христос как человек нуждался в совершенствовании и в предохранении Себя от греха: он говорит, что именно при пособии поста Господь победил искушения от дьявола в пустыне [см.: Martyrius (Sahdona). Liber perfectionis II, 7, 39, 42 // CSCO. 214. P. 86]. Параллель с Феодором Мопсуестийским здесь очевидна: он, например,

⁵ Следует оговориться, что и Несторий признавал возможность называть во Христе одно другим: «Одно лицо без разделения: *это* есть *то*, и *то* есть *это*, притом что *то* и *это* поистине остаются тем, что они были» [Nestorius. Le Livre d'Héraclide de Damas I, 1 / éd. P. Bedjan, 1910. P. 96:18–19], хотя, разумеется, не признавал взаимообщения свойств.

писал, что Иисус Христос был укреплен Святым Духом при крещении на Иордане, чтобы приобрести силу для исполнения Своего предназначения (ut inde ad proposita caperet virtutem [Theodorus Mopsuestenus. Ex tertio libro contra impium Apolinarium VI // Concilium universale Constantinopolitanum... 1971. P. 46–47; см. также: Ibid. XII. P. 49]).

Мартирий-Сахдона и Несторий

Мартирий был хорошо знаком с главным произведением Нестория — «Книгой Гераклида»: он цитирует ее и обнаруживает сходные с ней мысли.

1 Одно из основных значений, которые Несторий вкладывал в термин *πρόσωπον*, — это откровение Божества через человеческую природу. Например, он писал: «У человечества есть своя собственная ипостась, но эта ипостась — храм Того, Кто обитает в нём, откровение о Воспринявшем её и явление Божества» [Nestorius. *Capita diversa* // A Nestorian Collection... Vol. I. 1972. P. 182:16–20].

Мартирий также неоднократно говорит, что Бог открыл Себя через человеческую природу, например в таких словах: «Хотя у Него природа человеческая, то есть тело и душа, совершенно как у каждого из нас, но эта природа у Него также — храм Бога Слова, Который через неё явил Себя. Она возвещает о Воспринявшем её и делает доступным Его лицо» [Martyrius (Sahdona). *Liber perfectionis* II, 2, 27 // CSCO. 214. P. 16]. Еще один пример: «Поскольку Бог Слово облёкся в человеческое тело, то честь Своей ипостаси Он соединил с видимым. И в этом Своём образе Он был видим в мире, непрестанно открывая Себя в нём» [Ibid. II, 2, 22 // CSCO. 214. P. 16]. Андре де Аллэ считает, что в данном случае у Мартирия имеет место параллель с мыслью Нестория о «лице откровения» [Halleux, 1957. P. 17–18]. На наш взгляд, в процитированных словах Мартирия понятия «образ» (ܐܫܟܡܐ [’ēškēmā]) и «лицо» (ܦܢܝܘܬܐ [paršōrā]) явно коррелируют между собой в соответствии с антиохийской традицией, в которой термин *paršōrā* имел коннотации маски или представителя кого-либо [Bethune-Baker, 1908. P. 219–220].

2 Как Несторий, так и Мартирий регулярно говорят о чести и поклонении, которые принимает человеческая природа во Христе благодаря соединению с Божеством. В последней вышеприведенной цитате уже выражена эта мысль. Мартирий высказывает ее и в другой раз: «Он всегда обитает в нём (*в храме*. — *И. М.*) и в нём всегда принимает славу, чествование и поклонение от всякой твари, не удаляясь и не отделяясь от этого храма, поскольку Он есть вместе с ним одно лицо неразлучно, неизменно, нераздельно (ܐܢܝܢܐ ܕܢܘܨܬܐ ܕܠܐ ܕܢܘܨܬܐ ܕܠܐ ܕܢܘܨܬܐ ܕܠܐ [lā meṯṯḥaqnāīt, lā meṯṯḥlafnāīt, lā meṯṯprašnāīt])⁶ в едином поклонении и едином прославлении» [Martyrius (Sahdona). *Liber perfectionis* II, 2, 27 // CSCO. 214. P. 18]. Достоянно внимания, что при этом Мартирий пользуется выражением из Ороса Халкидонского собора: ἀτρέπτως ἀδιαρέτως ἀχωρίστως — «неизменно,

⁶ ܐܢܝܢܐ ܕܢܘܨܬܐ ܕܠܐ ܕܢܘܨܬܐ ܕܠܐ ܕܢܘܨܬܐ ܕܠܐ [lā meṯṯḥaqnāīt, lā meṯṯḥlafnāīt, lā meṯṯprašnāīt] — это неточная цитата из Ороса: ἀτρέπτως ἀδιαρέτως ἀχωρίστως [Concilii Chalcedonensis actio V // Acta Conciliorum Oecumenicorum. Concilium universale Chalcedonense. T. 2, vol. 1, pars 2. Actio secunda. Epistolarum collectio B. Actiones III–VII / ed. E. Schwartz. Berolini; Lipsiae: Walter de Gruyter & Co., 1933. P. [325] 129:31].

нераздельно, неразлучно» [Concilii Chalcedonensis actio V. Tractatio de definitione fidei // Acta Conciliorum Oecumenicorum... Т. 2, vol. 1, pars 2, 1933. P. [325] 129:31], не приводя, впрочем, точной цитаты.

- 3 Для обозначения образа соединения природ во Христе Мартирий использует слово *ܩܪܝܦܘܬܐ* [naqqīpūtā] — «сочетание» [Martyrius (Sahdona). *Liber perfectionis* II, 2, 33 // CSCO. 214. P. 20], греческий эквивалент которого — *συνάφεια* — был одним из основных терминов в христологии для Нестория [Селезнев, 2005. С. 78].
- 4 Как уже было показано, Мартирий явным образом настаивает на единственности лица (*ܩܪܝܦܘܬܐ* [paršōpā]) Господа Иисуса Христа, однако в следующих словах он говорит о лицах каждой из природ: «Хотя у Него природа человеческая, то есть тело и душа, совершенно как у каждого из нас, но эта природа у Него также — храм Бога Слова, Который через неё явил Себя. Она возвещает о Воспринявшем её и делает доступным Его лицо. Она никогда не рассматривается сама по себе, так, чтобы для смотрящих являемо было одно только её лицо без Божества, обитающего в ней» [Martyrius (Sahdona). *Liber perfectionis* II, 2, 23 // CSCO. 214. P. 16]. Судя по всему, следует признать, что Мартирий допускал природные лица для каждой из природ, в соответствии с доктриной Церкви Востока, принявшей учение Нестория о *лице единения* (*ܩܪܝܦܘܬܐ ܕܐܗܕܝܘܬܐ* [paršōpā dā-ḥdāyūtā]), объединяющем в себе два природных лица: Бога Слова и Его человеческой природы⁷. Однако безусловное значение Мартирий придавал только одному лицу, объединяющему две природы, по этой причине он несколько раз повторяет тезис об одном лице, не заостряя внимания на природных лицах.
- 5 Единое Лицо Христа Мартирий называет «ипостасным лицом природ» (*ܩܪܝܦܘܬܐ ܩܢܘܡܝܐ ܕܐܗܕܝܘܬܐ* [paršōpā qnōmāyā dā-kyānē]) и подчеркивает, что это лицо — в единстве (*ܩܪܝܦܘܬܐ ܕܐܗܕܝܘܬܐ* [bā-ḥdāyūtā]) [Martyrius (Sahdona). *Liber perfectionis* II, 2, 28 // CSCO. 214. P. 18]. Несторий употребляет похожее выражение — «природное и ипостасное лицо» (*ܩܪܝܦܘܬܐ ܩܢܘܡܝܐ ܕܐܗܕܝܘܬܐ ܕܐܗܕܝܘܬܐ* [paršōpā qnōmāyā wa-kyānāyā]) [Nestorius. *Liber Heraclidis* I, 1, 93 / éd. P. Bedjan, 1910. P. 125]. Скорее всего, в данном случае также следует признать влияние Нестория на Мартирия, тем более что в следующем предложении последний цитирует «Книгу Гераклида»: «Образ, представляющий портрет человека, не есть человек по природе. Также ангел и посол, первый из которых представляет лицо Бога, а другой — лицо царя, в действительности не суть ни Бог, ни царь» [Martyrius (Sahdona). *Liber perfectionis* II, 2, 29 // CSCO. 214. P. 18]. Несторий использует точно такое же сравнение с портретом, послан и ангелом в таком же полемическом ключе, употребляя те же самые слова (*образ, посол, ангел, далёкий*) [Nestorius. *Liber Heraclidis* I, 1, 60 / éd. P. Bedjan, 1910. P. 83–84]. У обоих авторов «ипостасное лицо» обозначает субъект всех христологических предикатов. Несколько ниже Мартирий подчеркивает, что это лицо есть «природное» [Martyrius (Sahdona). *Liber perfectionis* II, 2, 30 // CSCO. 214. P. 19]. Таким образом, Несторий и Мартирий называют ипостасное лицо природным.

⁷ Несторий, например, утверждал, что «Христос есть лицо единения, а лицо Бога Слова не есть лицо единения, но лицо Его собственной природы» [Nestorius. *Le Livre d'Héraclide de Damas* II, 1 / éd. P. Bedjan, 1910. P. 212:2–3].

Мартирий-Сахдона и Баввай Великий

На наш взгляд, такое же содержание, как и в предыдущем случае, Мартирий вкладывает в выражение «ипостасное лицо сыновства» (ܟܘܢܝܘܬܐ ܕܥܘܠܡܐ [paršōpā kyānāyā da-brūtā]): «Природы близки и соединены друг с другом, и являемое в двух [природах] есть ипостасное лицо сыновства, не отделённое от действительности (ܟܘܢܝܘܬܐ [šrārā] — «истины») Его природ» [Martyrius (Sahdona). Liber perfectionis II, 2, 29 // CSCO. 214. P. 19]. Слово «сыновство» в Церкви Востока использовалось для обозначения природного лица Бога Слова: сыновство является Его отличительным свойством, и именно посредством лица сыновства Он соединился с человеческой природой — так считал Баввай Великий [см.: Заболотный, 2016. С. 202–203; Селезнев, 2002. С. 75–76], который говорил, что «Бог Слово соединился Своим Лицом (ܟܘܢܝܘܬܐ [paršōpāit] — «лично») с нашим человечеством и соделал его с Собою единым Сыном в единой чести и власти» [Babai Magnus. Liber de unione II, 6 // CSCO. 61. P. 36:26–28]. Также и у Мартирия, как видно из его слов, лицо сыновства — это лицо двух природ: «Природы суть две, и они различны по свойствам, лицо же одно, и оно тождественно в сыновстве⁸» [Martyrius (Sahdona). Liber perfectionis II, 2, 23 // CSCO. 214. P. 16–17], причем под «свойствами» природ здесь можно понимать и лица природ, так как лицо в богословии Церкви Востока — это именно совокупность свойств природы. Тот факт, что Мартирий называет лицо сыновства природным, говорит о том, что лицо сыновства у него отождествляется с природным лицом Бога Слова, как в концепции Баввая Великого, который считал, что именно лицо сыновства было сообщено человеческой природе, отчего предикаты человечества переносятся на лицо сыновства, но не на ипостась Бога Слова [см.: Заболотный, 2016. С. 211]. Очевидное сходство мысли между Мартирием и Бавваем, несомненно, свидетельствует лишь о том, что оба богослова были воспитаны в традиции Церкви Востока, однако явно и то, что они были принципиально не согласны друг с другом. Так, исповедание Мартирием единства ипостаси Христа не вписывается в концепцию Баввая, который называл еретиком всякого, кто не исповедует во Христе две ипостаси [Synodicon orientale / éd. J.-B. Chabot, 1902. P. 628].

Еще в одном месте Мартирий говорит о природном лице Бога Слова: «Поскольку Бог Слово Своим Лицом и Своей природой соединился с человеком и вочеловечился, то Он использует человека как Своё собственное Лицо, а человек, в свою очередь, в силу того что он своей природой истинно соединился с Богом Словом и обожился, проявляется в Лице Бога как в своём собственном» [Martyrius (Sahdona). Liber perfectionis II, 2, 30 // CSCO. 214. P. 19]. Было бы естественно предположить, что словом «человек» здесь обозначена «человеческая природа», однако из слов: «Человек своей природой соединился с Богом Словом и обожился» — следует, что для Мартирия иное — человек и иное — его природа. Под *человеком*, как следует из вышесказанного, подразумевается природное лицо человечества во Христе. Непосредственно вслед за этим, продолжая речь о Божестве и человечестве Христа, Мартирий утверждает, что в Нем «каждый из них в двух отношениях есть Бог и человек: в одном — по природе, в другом — по единству» (Ibid.). Выражение «каждый из них» (ܟܘܠ ܗܘܕ ܡܢܗܘܢ [kul ḥaḍ menhon]) вызывает подозрение, что он усваивает человеческой природе Христа слишком большую

8 Досл.: ܟܘܢܝܘܬܐ ܕܥܘܠܡܐ [šwā ḥa-brūtā] — «равное в сыновстве».

самостоятельность, которая не позволяет говорить об ипостасном единстве природ.

Таким образом, суждение Мартирия о двух природных лицах свидетельствует о том, что он не просто опирался на тексты Нестория, но и находился под влиянием его учения, которое он, подобно Бавваю, воспринял как наследник традиции Церкви Востока. От этого влияния он не остался свободен даже тогда, когда стал склоняться к истинности православного вероучения. Неоспоримым фактом является и то, что Мартирий сознательно не соглашался с Несторием: в одной рукописи с сочинениями Иоанна Марона приведена пространная цитата из утраченного произведения Мартирия-Сахдоны. В этом отрывке Мартирий полемизирует с Несторием и отрицает наличие у Христа двух лиц, приводя несколько библейских цитат, в основном из Нового Завета, где говорится об одном лице Господа Иисуса Христа [Breudy, 1988–1989. P. 264–265]. Вероятно, Мартирий опирался на несториеву «Книгу Гераклида», прикрываясь ею от нападков оппонентов как авторитетным источником [Abramowski, 2008. P. 13], но выводил из нее свое несогласное с Несторием учение.

Основные итоги

Мартирий, по крайней мере формально, признает формулу Халкидонского собора: одно лицо, одна ипостась и две природы во Христе, причем цитату из Ороса этого Собора он использует для подкрепления своей аргументации (единственный из всех восточносирийских авторов⁹). Он также признает взаимообщение свойств двух природ во Христе. Однако при этом у него имеют место заимствования из произведений Нестория и Феодора, причем заимствования не просто выражений, но идей, а также параллели с учением Баввая Великого. Для Мартирия наиболее важным является единственность лица и ипостаси во Христе. Однако большую трудность в понимании его христологической мысли вызывает то, что он четко не проясняет, что он имеет в виду под ипостасью. Одно можно сказать с уверенностью: он отвергал наличие собственной и отдельной ипостаси у каждой из природ: у него нельзя найти какого-либо свидетельства мысли о двух ипостасях, но, напротив, из его биографии известно, что он упорно не принимал доводы своих оппонентов против единственности ипостаси [см.: Максим, 2018. С. 148]. Чаще он предпочитает пользоваться термином *лицо*, которым обозначает не только единый субъект двух природ, но и совокупность свойств каждой природы. При этом он не заостряет внимания на этом последнем значении термина *лицо* и не развивает мысли о двух природных лицах, как делает Несторий. Лицо сыновства у Мартирия имеет такое же значение, как и у Баввая Великого, — это природное лицо Бога Слова, в воплощении ставшее собственным и для Его человеческой природы.

Через исповедание единственности ипостаси Господа Иисуса Христа Мартирий пытался выразить мысль о Его единстве и о невозможности разделения Его на «двух сынов». Это исповедание было его шагом в сторону халкидонизма, о чем говорят факты его биографии, а также его личное сви-

⁹ Проверено по сирийскому тезаурусу <https://simtho.bethmardutho.org>.

детельство о том, что он считает свое учение «православным»¹⁰. Тем не менее христология Мартирия остается ущербной, главным образом из-за тезиса о двух природных лицах, который он перенял от Нестория. Следствием этой ущербности является и то, что Мартирий вместе с Феодором Мопсуестийским признает, что Христос как Человек нуждался в самосовершенствовании и даже в предохранении Себя от греха (см. выше). Такое христологическое учение свидетельствует о неудачной попытке перехода из одной конфессии в другую, потому что Мартирий решил перейти в православие, не отказавшись вполне от своих прежних убеждений, вместо того чтобы просто принять истину православия.

Литература

- Гурьев П.В. Феодор, епископ Мопсуестский. М.: Типография Л. и А. Снегиревых, 1890.
- Заболотный Е.А. История конфессионального разделения сирийского христианства и развитие христологии в IV–VIII веках (дисс.). М.: [МГУ], 2016.
- Максим (Судаков), мон. Мартирий-Сахдона: жизнь и труды // Богословский вестник. 2018. Т. 30. № 3. С. 132–163. DOI: 10.31802/2500-1450/2018-30-3-132-163.
- Максим (Судаков), мон. Христология Мартирия-Сахдоны // Богословский вестник. 2019. Т. 32. № 1. С. 140–171. DOI: 10.31802/2500-1450-2019-32-140-171.
- Максим (Судаков), мон. Мартирий-Сахдона: обзор источников и исследований // Метафраст. 2019. № 2 (2). С. 159–179. DOI: 10.31802/2658-770X-2019-2-2-159-179.
- Селезнев Н.Н. Христология Ассирийской Церкви Востока. Анализ основных материалов в контексте истории формирования вероучения. М.: Euroasiatica, 2002.
- Селезнев Н.Н. Несторий и Церковь Востока. М.: Путь, 2005.
- Abramowski L. Martyrius-Sahdona and dissent in the Church of the East // *Controverses des chrétiens dans l'Iran Sassanide* / éd. Ch. Jullien. Paris: Association pour l'avancement des études iraniennes, 2008 (Cahiers de Studia Iranica 36). P. 13–27.
- Babai Magnus. Liber de unione / ed. A. Vaschalde. Parisiis: E Typographeo Reipublicae, 1915 (CSCO; 61. Scriptores syri).
- Bethune-Baker J.F. Nestorius and his Teaching. Cambridge: at the University Press, 1908.
- Breydy M. Une attestation exclusive de Sahdona de l'Exposé de la foi de Jean Maron // *Parole de l'Orient*. 1988–1989. Vol. 15. P. 261–268.

¹⁰ Непосредственно после изложения своей христологии Мартирий утверждает, что это учение он принял от православных наставников [Martyrius (Sahdona). *Liber perfectionis* II, 2, 39 // CSCO. 214. P. 22]. Употребленное в данном случае слово ܩܘܪܝܢܐ [trīṣay šūbhā], скорее всего, подразумевает именно мелькитов, так как из словарной статьи тезауруса Пайна Смита [Smith, 1901. Col. 4510] явствует, что этим словом точно называли себя православные, а также монофизиты (даны пять ссылок на 1-й и 2-й тома собрания источников Ассемани: в 1-м томе – православные источники, во втором – монофизитские). Свидетельств о том, что так могли называться несториане, нами не обнаружено. Следовательно, скорее всего, Мартирий здесь имеет в виду именно православных.

Concilii Chalcedonensis actio V. Tractatio de definitione fidei // Acta Conciliorum Oecumenicorum. Concilium universale Chalcedonense. T. 2, vol. 1, pars 2. Actio secunda. Epistolarum collectio B. Actiones III–VII / ed. E. Schwartz. Berolini; Lipsiae: Walter de Gruyter & Co., 1933. P. 121 [317] – 130 [326].

Ebeid B. Christology and Deification in the Church of the East. Mar Gewargis I, His Synod and His Letter to Mina as a Polemic Against Martyrius-Sahdona // *Cristianesimo nella storia*. 2017. T. 3. № 38. P. 729–782.

Guillaumont A. Justinien et l'Église de Perse // *Dumbarton Oaks Papers*. 1969/1970. Vol. 23/24. P. 39–70.

ܘܫܘܝܗܒ ܘܫܘܝܗܒ III Patriarcha. Liber epistularum / ed. R. Duval. Parisiis: e Typographeo Reipublicae; Lipsiae: Otto Harrassowitz, 1904. (CSCO; vol. 64. Scriptores syri; t. 11).

Halleux A., de. La christologie de Martyrius-Sahdona dans l'évolution du nestorianisme // *Orientalia christiana periodica*. 1957. Vol. 23. P. 5–32.

Ioannes Damascenus. Expositio accurata fidei orthodoxae // PG 94. Col. 789–1228.

Martyrius (Sahdona). Œuvres spirituelles II: Livre de la perfection, 2-me partie (ch. 1–7) / A. de Halleux, éd. Louvain, 1961 (CSCO; 214. Scriptores syri; 90).

Nestorius. Le Livre d'Héraclide de Damas / éd. P. Bedjan. Paris, Leipzig: Otto Harrassowitz, 1910.

Nestorius. Capita diversa // A Nestorian Collection of Christological texts / ed. L. Abramowsky, A.E. Goodman. Vol. I. Cambridge: At the University Press, 1972. P. 179–206.

Ovidiu I. Martyrius-Sahdona: la pensée christologique, clé de la théologie mystique // *Les mystiques syriaques* / A. Desreumaux, éd. Paris, 2011 (Études syriaques; 8). P. 45–61.

Smith R.P. Thesaurus syriacus. T. I. Oxonii: e Typographeo Clarendoniano, 1879.

Synodicon orientale, ou Recueil des synodes nestoriens / éd. J.-B. Chabot. Paris: Imprimerie nationale, 1902.

The Syriac Thesaurus. [Электронный ресурс]. URL: <https://simtho.bethmardutho.org> (дата обращения 04.12.2020).

Theodorus Mopsuestenus. Fragmenta Syriaca / ed. E. Sachau. Lipsiae: Typis Guilelmi Drugulini, 1869.

Theodorus Mopsuestenus. Ex tertio libro contra impium Apolinarium VI // Concilium universale Constantinopolitanum sub Iustiniano habitum. Concilii actiones VIII / ed. J. Straub. Berolini: In aedibus Walter de Gruyter & Co., 1971 (Acta Conciliorum Oecumenicorum; [T. IV], vol. I). P. 44–49.

References

Abramowski L. Martyrius-Sahdona and dissent in the Church of the East. *Controverses des chrétiens dans l'Iran Sassanide*. Paris, Association pour l'avancement des études iraniennes, 2008 (Cahiers de Studia Iranica 36), pp. 13–27.

Babai Magnus. *Liber de unione*. Parisiis, e Typographeo Reipublicae, 1915 (CSCO; 61. Scriptores syri).

Bethune-Baker J.F. *Nestorius and his Teaching*. Cambridge, at the University Press, 1908.

Breydy M. Une attestation exclusive de Sahdona de l'Exposé de la foi de Jean Maron. *Parole de l'Orient*, 1988–1989, vol. 15, pp. 261–268.

Concilii Chalcedonensis actio V. Tractatio de definitione fidei. *Acta Conciliorum Oecumenicorum*. T. 2, vol. 1, pars 2. Berolini, Lipsiae, Walter de Gruyter & Co., 1933. P. 121 [317] – 130 [326].

Ebeid B. Christology and Deification in the Church of the East. Mar Gewargis I, His Synod and His Letter to Mina as a Polemic Against Martyrius-Sahdona. *Cristianesimo nella storia*, 2017, vol. 3, no. 38, pp. 729–782.

Guillaumont A. Justinien et l'Église de Perse. *Dumbarton Oaks Papers*, 1969/1970, vol. 23/24, pp. 39–66.

Guriev P.V. *Theodore, Bishop of Mopsuestia*. Moscow, L. & A. Snegiryovykh Press, 1890.

Halleux A., de. La christologie de Martyrius-Sahdona dans l'évolution du nestorianisme. *Orientalia christiana periodica*, 1957, vol. 23, pp. 5–32.

Išō'yahb III Patriarcha. *Liber epistularum*. Parisiis, e Typographeo Reipublicae; Lipsiae, Otto Harrassowitz, 1904. (CSCO; vol. 64. Scriptorum syri; t. 11).

Ioannes Damascenus. *Expositio accurata fidei orthodoxae*. PG 94, col. 789–1228.

Martyrius (Sahdona). *Œuvres spirituelles II: Livre de la perfection, 2-me partie (ch. 1–7) / A. de Halleux, éd. Louvain, 1961 (CSCO; 214. Scriptorum syri; 90).*

Maxim (Sudakov), monk. Martyrius-Sahdona: biography and works. *Theological Herald*, 2018, vol. 30, pp. 132–163. DOI: 10.31802/2500-1450/2018-30-3-132-163

Maxim (Sudakov), monk. The Christology of Martyrius-Sahdona. *Theological Herald*, 2019, vol. 32, no. 1, pp. 140–171. DOI: 10.31802/2500-1450-2019-32-140-171

Maxim (Sudakov), monk. Martyrius-Sahdona: A Review of Sources and Studies. *Metaphrast*, 2019, № 2 (2), pp. 159–179. DOI: 10.31802/2658-770X-2019-2-2-159-179

Nestorius. *Le Livre d'Héraclide de Damas*. Paris, Leipzig, Otto Harrassowitz, 1910.

Nestorius. *Capita diversa. A Nestorian Collection of Christological texts*. Vol. I. Cambridge, at the University Press, 1972. pp. 179–206.

Ovidiu I. Martyrius-Sahdona: la pensée christologique, clé de la théologie mystique. *Les mystiques syriaques / A. Desreumaux, éd. Paris, 2011. Études syriaques, vol. 8, pp. 45–61.*

Seleznyov N.N. *Christology of the Assyrian Church of the East. Analysis of the basic materials in context of the creation of the doctrinal statement*. Moscow, Euroasiatica, 2002.

Seleznyov N.N. *Nestorius and the Church of the East*. Moscow, Put', 2005.

Smith R.P. *Thesaurus syriacus*. T. I. Oxonii, e Typographeo Clarendoniano, 1879.

Synodicon orientale, ou Recueil des synodes nestoriens. Paris, Imprimerie nationale, 1902.

The Syriac Thesaurus. Available at: <https://simtho.bethmardutho.org> (accessed 04.12.2020).

Theodorus Mopsuestenus. *Fragmenta Syriaca*. Lipsiae, Typis Guillemi Drugulini, 1869.

Theodorus Mopsuestenus. Ex tertio libro contra impium Apolinarium VI. *Acta Conciliorum Oecumenicorum*, [t. IV], vol. I. Berolini, in aedibus Walter de Gruyter & Co., 1971, pp. 44–49.

Zabolotnyj E.A. *History of the Confessional Schism in the Syriac Christianity and Development of the Christology in IV–VIII centuries*. Moscow, Moscow State University, 2016.